
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

НОРМАТИВНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ УЧЕНОГО

© 2011 г. Г. А. Балл

*Член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины,
доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией методологии
и теории психологии Института психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, Киев
e-mail: georgyball@yandex.ru*

Автор рассматривает понятие нормативного идеала (нормы-идеала) и его значение для профессиональных общностей. Строится понятийная система, главную роль в которой играют понятия “объективное значение”, “субъективное значение” и “смысл”. С опорой на эту систему характеризуется нормативный профессиональный идеал ученого (в частности, человековеда).

Ключевые слова: нормативный идеал (норма-идеал), идеалообразующая ценность, объект, предмет, объективное значение, субъективное значение, смысл, истина, правда.

Об идеалах чаще вспоминают не в научных, а в публицистических, поэтических и т.п. дискурсах. Но психологической науке не следует обходить стороной этот предмет, т.к. без обращения к понятию идеала полноценное исследование человеческой деятельности вряд ли возможно.

Как показывает анализ [3, 4], чтобы система *норм деятельности* способствовала совершенствованию последней и личностному росту осуществляющих ее людей, она должна содержать нормы разных типов, а именно: а) *нормы-стандарты*, соблюдение которых обязательно для человека, занимающего определенную социальную позицию и претендующего на определенную общественную оценку своей деятельности; б) *нормы-идеалы* (иначе: *нормативные идеалы*), устанавливающие перспективные цели, к которым призван стремиться этот человек; в) *нормы индивидуального прогресса* (или удержания достигнутого уровня), устанавливающие требуемое отношение новых результатов к предшествующим с учетом возможностей индивида и условий его деятельности.

Ввиду возможных сомнений в правомерности понятия “норма-идеал” (вытекающих из более привычного в социологии рассмотрения норм и идеалов как разных средств социального регулирования) следует пояснить, что в норме-идеале нормативным для общности, где такая норма действует, является ее *содержание*, связанное с утверждением существенных (можно сказать: нормативных) *ценностей* (назовем их *идеалооб-*

разующими). Вместе с тем требование либо реального воплощения этого содержания в деятельности, либо стремления приблизиться к такому воплощению – это другой параметр, по которому нормы-стандарты и нормы-идеалы существенно различаются.

Норма-идеал, действующая в той или иной общности (в частности, профессиональной), служит одной из ее важнейших характеристик. “Каждая профессия, – пишет Ф.Е. Василюк, – оправдывается, в конечном итоге, какой-то высшей ценностью и в отношении этой ценности должна прежде всего ориентироваться. Юриспруденция служит справедливости, наука – истине, искусство – красоте. Все они технически и фактически могут служить и другому... Психотерапия может делать и делает многое на продажу... но в действительности *живет* она и оправдывается своей заветной, предельной ценностью. Имя ей – свобода личности. Речь, конечно, не о правах, а о *внутренней свободе личности* – свободе воли, сознания, совести, чувства” [9, с. 46].

Переходя от метафорического языка (“чем *живет* профессия”) к рационалистическому, можно сказать, что идеалообразующая ценность некоторой профессии служит реализации ее главной культурно-цивилизационной функции и потому – пока эта функция общественно необходима – сохраняет вопреки всем трудностям свою значимость. В противовес представлениям романтиков-максималистов, с одной стороны, и циников – с другой, неосуществимость идеалов

в их полном, абсолютном выражении (вспомним хотя бы идеал социальной справедливости) отнюдь не исключает их значимости – психологической, социальной и педагогической [29], если осуществляется *реальное приближение* к ним. Так что вряд ли оправданы сетования на “утопичность идеалов”: в них проявляется ложное понимание сущности идеалов и их роли в детерминации социального поведения. Ведь “ценность идеала – не в его соответствии или совпадении с реальностью, напротив, ценность реальности может определяться ее приближением к идеалу” [27, с. 485].

С учетом сказанного я попытался охарактеризовать *нормативный профессиональный идеал ученого*. Для этого пришлось – опираясь на известные в человековедении положения – сформировать некоторую систему понятий.

СИСТЕМА ПОНЯТИЙ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОРМАТИВНОГО ИДЕАЛА УЧЕНОГО

Начну с понятия “*сознание*”. Согласно одному из постулатов гуманистической психологии (см., например, [39]), “люди осведомлены и осведомлены о том, что они осведомлены, – т.е. они сознательны”. Таким образом, представленные в сознании знания¹ *рефлексивны*. Людями осуществляется рефлексия не только первого, но и более высоких порядков. Так, в случае рефлексии третьего порядка “я осознаю осознание своего сознания” [26, с. 24].

Будем учитывать следующие существенные черты носителя сознания – *субъекта*: а) субъект – это обладающий сознанием человек или система, состоящая из таких людей (коллектив, организация и т. п.); сознание – атрибут не только индивидуальных, но и коллективных субъектов; б) у индивидуального субъекта как у живого существа есть *потребности*; можно говорить и о потребностях коллективного субъекта; в) ради удовлетворения своих потребностей субъект вступает в *коммуникацию* с другими субъектами и осуществляет *деятельность*, используя при этом сознание; г) благодаря осознанию (в ходе приобщения к культуре) закономерностей и перспектив своего бытия и бытия коллективных субъектов,

компонентом которых он является, субъект приобретает (и реализует в деятельности и коммуникации) особые потребности (*метапотребности*, по А. Маслоу), выходящие за рамки обеспечения его удовлетворительного текущего функционирования и отражающие существующие в культуре *духовные ценности*.

В сознании и в контролируемой сознанием коммуникации субъектов знания репрезентируются посредством *знаков* (и их систем). Конечно, это утверждение справедливо лишь при широкой трактовке понятия “знак”, распространяемой на любой объект, идентифицируемый воспринимающим его субъектом в качестве представителя некоторого класса объектов. Отмечается, что “абсолютно любая вещь, угодившая в сеть общественных отношений, обращается в знак” [22, с. 121]. Не удивительно, что А.Н. Леонтьев в его концепции структуры сознания приписал значения (а также личностные смыслы) любым вовлеченным в деятельность объектам.

Используя для характеристики нормативного идеала ученого категории “значение” и “смысл”, я взял за основу их общепсихологическую трактовку А.Н. Леонтьевым. При этом я несколько модифицировал ее [4], с тем чтобы лучше учесть:

а) степень соответствия значений как составляющих сознания реальным чертам отражаемых сознанием объектов (ведь “общественная выработанность”, считающаяся важнейшей характеристикой значений, такого соответствия не гарантирует);

б) то обстоятельство, что социально детерминированными (“общественно выработанными”) являются во многом не только значения, но и смыслы – и в тех, и в других присутствуют как компоненты, репрезентирующие социокультурные нормы, так и индивидуально своеобразные;

в) то обстоятельство, что каждый человек пребывает в поле разнообразных значений² и смыслов (детерминированных макросоциально, микросоциально и индивидуально) и должен сам определяться в этом поле.

Учету отмеченных моментов поможет, на мой взгляд, переход от опоры на два понятия (*значение* и *смысл*) к использованию трех понятий, главных для формируемой системы. Это *объек-*

¹ *Знание* в самом широком понимании [2, с. 18] – это идеальная модель, состоящая не менее чем из двух компонентов, каждый из которых также представляет собой идеальную модель; простейший пример – логический субъект и логический предикат как компоненты суждения.

² Это отмечал и А.Н. Леонтьев: “...Предмет выступает теперь в определенном общественном значении или во многих, но всегда определенных общественных значениях, значениях, которые общественно фиксированы за предметом (или – что то же самое – фиксированы за предметом моим общественным сознанием)” [19, с. 167].

тивное значение, субъективное значение и смысл (для определенности – субъективный). В свою очередь, логически корректное введение указанных понятий требует различения понятий об объекте и предмете познания. Следуя В.С. Библеру [6, с. 1076], я трактую их так: *объект* – это некий целостный фрагмент мира, привлекая внимание исследователя (вообще – познающего субъекта³), а *предмет* – это репрезентация объекта в познавательной деятельности субъекта, явившаяся результатом осознания субъектом объекта как познаваемого им (вспомним сказанное выше о рефлексивности представленных в сознании знаний). Для обозначения тех же понятий наряду с парой терминов “*объект; предмет*” используется пара “*онтологический объект; эпистемологический объект*” [38]. Преимуществом последних терминов является их интернациональность.

С учетом сказанного перехожу к характеристике трех понятий, обозначенных выше как главные. Напомню, что **первое** из них – это *объективное значение* объекта *A*. отождествим его с *совокупностью свойств предмета, который наилучшим образом представлял бы в познании этот объект*. Обладателем объективных значений является идеализированный, абсолютно совершенный исследователь, или, в философской терминологии, *трансцендентальный субъект*. Представление о нем многие считают устаревшим. Я, однако, ориентируюсь на философско-методологическую позицию, согласно которой трансцендентальный субъект «как “сознание вообще” – ...предельная абстракция всеобщего и необходимого в познании, существующий вне времени и пространства, – это важнейшая и необходимая категория мира “теоретизма” и науки» [24, с. 585].

Наряду с трансцендентальным рассматриваются, конечно, и *реальные субъекты*. Ввиду этого необходимо **второе** понятие – *субъективное значение* объекта *A* для реального субъекта *S*: это *совокупность свойств предмета, представляющего объект A в сознании данного субъекта*. Для разных субъектов *S* субъективные значения одного и того же объекта *A*, вообще говоря, различны; вместе с тем они должны быть достаточно близки, чтобы стала возможной эффективная коммуникация между упомянутыми субъектами, а с ее помощью – их совместная деятельность. К тому же, как было отмечено выше, в любой сознательной деятельности такая коммуникация (средствами которой служат значения) представлена

хотя бы неявно. Онтологическим основанием для сходства субъективных значений, которыми владеют разные субъекты, служит отражение в них одного и того же объекта *A*, определяющей (хотя непосредственно не доступной) характеристикой которого является его объективное значение.

В контекст приводимых здесь рассуждений вписывается трактовка значения А.А. Леонтьевым (со ссылкой на А.Н. Леонтьева) как “предметного содержания, освобожденного от своей вещественности и обретшего новую форму бытия – идеальную” [18, с. 13]. Принимая этот тезис, я считаю носителем значения не сам объект (который вполне может быть вещественным), а соответствующий ему идеальный предмет. Вместе с тем я конкретизирую данный тезис так: носителем объективного значения некоторого объекта является предмет, репрезентирующий этот объект в идеализированном сознании трансцендентального субъекта, а носителями субъективных значений указанного объекта – предметы, репрезентирующие его в реальных сознаниях реальных субъектов.

Помимо *отражаемых* заслуживают рассмотрения и другие разновидности субъективных значений, в том числе значения *воображаемые* (формируемые безотносительно к реальному существованию объектов) и *антиципируемые* (касающиеся будущих объектов). Частный вид последних – *проектируемые* значения (относящиеся к объектам, которые могут стать реальными лишь благодаря деятельности, осуществляемой с участием данного субъекта).

Известно, что “человеческое восприятие, память, мышление, воображение вооружены и одновременно ограничены системой значений, которая присуща той или иной общности или культуре” [32, с. 25]. С моей точки зрения, здесь речь идет о субъективных значениях, которыми владеют коллективные субъекты. Субъективные значения, которыми владеют индивиды, принадлежащие к рассматриваемой общности, существенно зависят от упомянутых “коллективных” субъективных значений, но полностью с ними, вообще говоря, не совпадают.

Третье главное понятие в выстраиваемой понятийной системе – это *смысл* (в рамках этой системы смысл всегда *субъективен*). Данное понятие можно считать уточнением – и одновременно обобщением – понятия *личностного смысла* (по А.Н. Леонтьеву). Определяется оно следующим образом: *смысл* объекта *A* для субъекта *S* – это *присутствующая в психике субъекта S* (широко трактуемой: данное понятие распространяется, в

³ По примеру Дж. Келли можно трактовать любого субъекта сознательно осуществляемого познания как исследователя (пусть очень несовершенного).

частности, на “социетальную психику” [12]) модель (опять-таки широко трактуемая – см. [10]), фиксирующая отношение между репрезентацией объекта *A* в этой психике (на сознательном уровне – см. выше – такую репрезентацию характеризует субъективное значение объекта *A* для субъекта *S*) и потребностями упомянутого субъекта⁴. Имеются в виду представленные в его психике, т.е. субъективные, потребности, которые, как известно, не всегда адекватно отражают объективные нужды субъекта. К указанным потребностям относятся, в частности, упомянутые выше метапотребности.

Активность человека относительно тех или иных объектов опосредствована для него их смыслами (в субъективном переживании они репрезентируются прежде всего через эмоции). Например, те или иные текстовые единицы способны повлиять на реципиента именно благодаря смыслу, который они несут для него. Отсюда [20] – ограниченная польза лингвистических судебных экспертиз, способных дать трактовку только значений таких единиц и только для идеализированного носителя языка (в абстракции от особенностей субъективных значений, присущих некоторой общности и тем более конкретному лицу).

Не только смыслы объектов формируются на основе их субъективных значений, но также и субъективные значения — на основе смыслов⁵ (проявлением чего служит “эффект ореола” в социальной перцепции и атрибуции). Вообще “в живом знании слиты значение и укорененный в бытии личностный, аффективно окрашенный смысл” [14, с. 33]. Такая слитность непосредственно характеризует знания, фигурирующие в обыденном, мифологическом, художественном мышлении. “Особым случаем” оказывается научное знание, которое в своих удовлетворяющих нормативным требованиям результатах должно быть, по выражению В.Е. Кемерова, “дистанцировано от человеческой субъектности”, что предполагает, однако, “специфическую организацию социальных связей, соответствующее функционирование знания, построение познавательной деятельности” [17, с. 29], т.е. *особые проявления*

субъектности в процессе деятельности по добытию и совершенствованию знаний.

Итак, мы сформировали систему понятий, которая позволит содержательно охарактеризовать нормативный профессиональный идеал ученого.

СОДЕРЖАНИЕ НОРМАТИВНОГО ИДЕАЛА УЧЕНОГО

Опираясь на рассмотренные выше понятия, будем двигаться шаг за шагом от самых выразительных свойств рассматриваемого идеала к его все более тонким особенностям.

Шаг первый. Попытаюсь конкретизировать мысль об “особых проявлениях субъектности” в научно-познавательной деятельности. Одно из них я усматриваю в следующем. Каждый ученый и научное сообщество в целом как субъекты указанной деятельности способны обладать лишь субъективными значениями исследуемых ими объектов. Тем не менее эта деятельность может (и, согласно разделяемой мною философской позиции, должна) регулироваться нормативным идеалом, нацеливающим на овладение объективными значениями этих объектов (в традиционной терминологии – рационально обоснованной истиной о них). В соответствии со сказанным во вступительном разделе статьи о нормативных идеалах вообще недостижимость этого идеала в его абсолютном выражении⁶ не подрывает его роли именно как идеала и возможностей приближения к нему.

Ориентация на идеал достижения рационально обоснованной истины предостерегает против упомянутого в конце предыдущего раздела слияния значений со смыслами. Поскольку человеческая деятельность не может осуществляться вне смыслового регулирования, такое регулирование в условиях научно-познавательной деятельности обеспечивается ориентацией на смысл не столько объекта познания как такового, сколько деятельности по его познанию – ориентированной, как предполагается, на очерченный идеал. “Наука, – писал востоковед В.М. Алексеев, – есть любовь к силе человеческого ума и к сиянию бесконечной правды, где-то и где-то далеко и редко брезжащей сквозь полярную ночь человеческой дикости” [1, с. 340]. Не подобные ли чувства двигали физиками, назвавшими свойства микрообъектов вроде

⁴ Ср. у А.Н. Леонтьева: “Мое отношение к значению (= к предмету как значению) сообщает ему *смысл*...” [19, с. 168].

⁵ О том же в иных терминах говорит С. Московичи: “я могу обладать отношением по отношению к объекту, если у меня уже есть представление, ассоциированное с этим объектом. Либо отношение может быть первичным общим чувством (*general feeling*) по отношению к чему-то, представление о чем мы формируем” [41, с. 380].

⁶ Его можно считать достижимым разве что в тривиальных познавательных ситуациях (например, при доказательстве теорем в рамках формальной аксиоматической системы).

бы не подходящими для этого словами “странность” и “очарование”? Сквозящие в них положительные эмоции, скорее всего, на самом деле направлены на “силу человеческого ума”, о которой говорил Алексеев. Изучаемые объекты (точнее говоря, предметы, представляющие их в познавательной деятельности ученого) эстетизируются в рамках исследовательского отношения к ним, вне которого они, по сути, безразличны человеку.

Идеал овладения рационально обоснованной истиной служит важным инструментом функционирования науки как одной из сфер культуры – вопреки всему разнообразию реальных мотивов профессиональной деятельности причастных к науке лиц и систематическому нарушению ими даже норм-стандартов научной деятельности [36]. В “смысловом образе мира” ученого, пишет Б.С. Братусь, определяющим служит “поле науки, поиск истины в понятиях. И он настолько ученый, насколько чувствует, страдает, отвечает за это поле” [8, с. 105].

Указанная ответственность предполагает, в частности, учет специфики исследуемых объектов. Поэтому в психологии, как отмечал Р. Лэйнг [40], осуществляемая якобы ради большей научности “деперсонализация” исследуемых людей (можно сказать также: пренебрежение их субъектными свойствами) представляет собой такую же досадную ошибку, как и “ложная персонализация вещей”.

Шаг второй. Сказанное выше нуждается в существенных *уточнениях*.

Во-первых, идеал достижения рационально обоснованной истины выступает в деятельности ученого по-разному в рамках фундаментальных и прикладных исследований. В первом случае “...поиски истинного знания являются... вещью самодовлеющей”, для прикладного же исследования “...истина является ценностью инструментальной, а самодовлеющей ценностью оказывается... технологическая эффективность знания” [28, с. 116].

Во-вторых, по сравнению с объектами естествознания (во всяком случае, традиционного) объекты человековедения в большей степени вызывают со стороны исследователя то или иное *отношение* и соответствующие *эмоции* и *чувства*. Иначе говоря, для него существенны не только *смыслы*, сопряженные с “поиском истины в понятиях” (см. выше), но и те, которыми обладают для него сами исследуемые объекты. При этом важно, что объекты человековедческих исследований, как правило, способны к изменениям, а

значит, полноценное исследование таких объектов должно предусматривать обнаружение у них соответствующих явных и латентных *тенденций* (в частности, к развитию или к деградации), в том числе таких, для реализации которых требуется воздействие со стороны (вспомним “зону ближайшего развития” по Л.С. Выготскому). В этой связи закономерен переход от *отражаемых* субъективных значений объектов к *проектируемым*, упоминавшимся в предыдущем разделе.

На очерченных тенденциях, пожалуй, в наибольшей мере сосредоточиваются существенные для ученого-человековеда смыслы исследуемых (а также проектируемых) им объектов.

Шаг третий содержит *уточнения*, так сказать, *второго порядка*, реализующие диалектический подход. Их сущность состоит в том, что различия между фундаментальными и прикладными исследованиями, между объектами естествознания и человековедения надо учитывать, но не абсолютизировать.

Фундаментальные исследования могут и должны абстрагироваться от венаучных практических нужд в своей конкретной постановке, но не при обращении к макросоциальным, общекультурным, цивилизационным функциям фундаментальной науки. Она играет неоспоримую роль в уяснении места каждого социума и человечества в целом в окружающем мире, так же как и их дальнейших перспектив. Это касается и гуманитарных наук, в частности, исторической науки. “Расшифровывая исторический факт, – писал В.С. Библер, – мы включаем в современную действительность фрагменты действительности прошедшей и тем самым раскрываем *историзм* современности... Мы действуем как исторически *памятливые* субъекты” [6, с. 1086]. С другой стороны, участвуя в прикладном исследовании, ответственный ученый должен помнить о своем главном предназначении именно как ученого – выяснять и открывать людям истину (в том числе ту, которая станет значимой лишь по завершении реализуемого проекта, быть может, обесценив при этом его результаты).

Что же касается разграничения между естествознанием и человековедением, то “уточнения второго порядка” желательны здесь в нескольких направлениях.

Направление первое. Сказанное выше об объектах человековедения во многом распространяется на любые объекты, рассматриваемые в связи с их использованием человеком и, вообще, в соотношении с человеком в рамках “*человекообразной*

реальности” [35]. К тому же абстрагироваться от “человекообразности” становится все проблематичнее. Такое абстрагирование возможно, скажем, когда некий растительный или животный вид рассматривается во взаимодействии с привычной для него средой, но уж никак не применимо при выяснении перспектив его дальнейшего существования в условиях антропогенных изменений этой среды. Имея дело с “человекообразными” объектами, сплошь и рядом приходится не ограничиваться “чисто констатирующей позицией” [там же, с. 166], а подобно тому, как это имеет место для собственно человековедческих объектов (см. выше, шаг второй), “переходить на позиции *проектно-конструктивного практического сознания*, на которые не могут не влиять существенным образом ценностные, в частности, этические представления” [там же]. Когнитивной предпосылкой указанного перехода служит сосредоточение, с одной стороны, на положительных перспективах, а с другой – на опасностях для объектов, к которым ученый не может (и не должен) быть равнодушен.

Направление второе. При соотнесении естествознания и человековедения следует учитывать, что направленность и протекание исследовательской деятельности зависят не только от характера исследуемых объектов, но и от *стратегии (парадигмы)* их изучения. В качестве основных выделяют *натуралистическую (естественно-научную)* и *гуманитарную (культурцентристскую)* стратегии [33]. Конечно, характер исследуемых объектов во многом определяет возможность и целесообразность применения той или иной парадигмы. В то же время в отношении многих объектов применимы разные парадигмы. В лингвистике, пишет Р.М. Фрумкина, “построения, которые одни исследователи считают наукой, для других будут выглядеть в лучшем случае эссеистикой. В психологии примерно та же картина” [34, с. 146]. В самом деле, в психологии соперничают естественно-научная и гуманитарная парадигмы. К счастью, все более осознается необходимость, во-первых, функционирования в психологической науке обеих названных парадигм и, во-вторых, их диалогического взаимодействия [23].

Вернусь к словам В.М. Алексева о “любви к силе человеческого ума и к сиянию бесконечной правды”, вдохновенно выражающим нормативный профессиональный идеал ученого. Интересно, что человековед Алексеев конкретизировал этот идеал, жестко следуя естественно-научной парадигме. “Наука, – писал он, – есть смерть предмета и жизнь силы, его исследующей. Наука

есть любовь, но не к предмету, а к силе ума, на предмете работающей” [1, с. 340]. Приверженцы гуманитарной парадигмы вряд ли согласятся с таким противопоставлением.

Направление третье. Выше говорилось, что источником чувств и носителем смыслов для ученого (по крайней мере, в области естественных наук) служит не столько исследуемый объект, сколько деятельность по его исследованию. Но чувства в отношении последней не сводятся к “любви к силе человеческого ума и к сиянию бесконечной правды”. Чувства ученого – положительно и отрицательно окрашенные – то и дело направляются на разные компоненты содержания научной деятельности (гипотезы, концепции, парадигмы, исследовательские методы и т.д.), отстаиваемые или, напротив, отвергаемые ученым или научной школой, к которой он принадлежит. Физик, особенно работая на переднем крае науки, должен интересоваться не только самой физикой, но и *методологией* физики. Предметом же последней, в отличие от физики как таковой, является не функционирование физических объектов, а научная деятельность физиков, так что методология физики – это человековедческая дисциплина со всеми вытекающими последствиями.

Подведем *итог трем шагам анализа*. В научно-познавательной деятельности в любом случае должен сохранять силу упомянутый выше *идеал достижения* рационально обоснованной *истины*, но к нему, как правило, не должна сводиться смысловая основа деятельности ученого. Эту основу можно целостно охарактеризовать, обратившись к понятию “*правда*” в трактовке, при которой оно не совпадает по содержанию с понятием “*истина*” (в отличие, например, от использования термина “*правда*” В.М. Алексеевым в выражении “сияние бесконечной правды”, которое легко заменить на “сияние бесконечной истины”). Конкретнее говоря, следует обратиться к «понятию “*правда*”, соединяющему в себе как гносеологический, так и аксиологический аспекты» [25, с. 117], и соответственно к *идеалу достижения правды*.

Согласно В.В. Знакову, “истинностная оценка знания необходима, но недостаточна для констатации суждений, например, о поступках людей. Правда – это такая истина, которая становится предметом личного отношения, субъективной оценки” [15, с. 19]. Соглашаясь с этим, я считаю, что в отличие от односторонних “своих правд”, которые отстаивают конфликтующие группы, правда, служащая для ученого *идеалобразующей ценностью*, должна *включать* в

себя истину и быть, образно говоря, *больше, а не меньше истины*. Ориентируясь на такую правду, ученый стремится как можно полнее познать действительность – и вместе с тем осознанно выражает в своей деятельности смысловые приоритеты (гражданские, мировоззренческие, методологические и пр.).

При анализе деятельности ученых (в особенности ученых-гуманитариев) обычно ограничиваются наиболее распространенными в социуме ситуациями и не рассматривают ни высоких уровней развития смыслов, регулирующих эту деятельность, ни высоких уровней рефлексии, осуществляемой субъектом этой деятельности. Так, например, за историком не признают: одни комментаторы – возможности для него, находясь под мощным воздействием ценностей, доминирующих в его социокультурном окружении, проявлять объективность в характеристике изучаемых им событий; другие – его способности совмещать объективность и, скажем, патриотизм. При этом не учитывается: во-первых, то, что он – в отличие от фанатика, безраздельно преданного одной ценности, и циника, вообще пренебрегающего духовными ценностями, – способен опираться на систему таких ценностей, в том числе на стремление к истине как на одну из важнейших; во-вторых, то, что, достигнув высокого уровня интеллектуальной и личностной рефлексии [31], он в силах самокритично соотносить себя со значимым для него идеалом ученого и испытывать гордость, если он “в состоянии преодолеть свои собственные симпатии, в состоянии позволить себе объективность” [16, с. 185]; наконец, то, что сами эти симпатии не обязательно являются примитивно-односторонними: любовь к родному сообществу вполне совместима с критической оценкой присущих ему слабостей, а также с уважением к иным сообществам и приверженностью общечеловеческим ценностям.

Отмечу еще, что историку следует соблюдать принцип “онтологической скромности” [21], требующий признания принципиальной правомерности иных, чем отстаиваемая им, “картин истории” [там же]. Этот принцип, одновременно этический и методологический, значим, разумеется, не только для историка. Ученый должен осознавать, что владеет только частичной истиной, а “всякая частичная истина есть частичное заблуждение, и она поворачивается стороной заблуждения к человеку, абсолютизирующему ее” [13, с. 311]. Впрочем, это не исключает эвристичности односторонних концепций, если они раскрывают существенные черты исследуемых объектов,

которые ранее не поддавались научному постижению (А.В. Юревич [37] характеризует в этом плане теорию З. Фрейда). Но вредно догматическое застревание на односторонних взглядах, когда они уже утратили свою стимулирующую роль.

Шаг четвертый. При всем том в проведенном анализе не учтен ряд принципиальных трудностей, присущих познавательной деятельности ученого. Вернемся к “картинам истории”, сформированным разными историками. Поверив в то, что каждый из них стремился максимально приблизиться к истине, мы одновременно констатируем, что эти картины создавались под воздействием идеалов достижения правды, различавшихся по своему смысловому наполнению. Уже вследствие этого (вспомним сказанное о роли смыслов в становлении субъективных значений) в упомянутых картинах выражены разные субъективные значения исследуемого объекта. И сколь бы тщательно ни контролировал историк влияние важных для него смыслов на эти значения, сколь бы успешно ни ограничивал свою пристрастность, он все же работает не с целостным, неисчерпаемым объектом, а с предметом, представляющим этот объект в его сознании. Чтобы осуществить познание объекта, историк (как и любой ученый) должен “выделить предмет познания (проблему познания)”, “выявить в объекте его предметность” [6, с. 1080]. Но при этом никакой предмет в принципе не может обеспечить полное постижение неисчерпаемого объекта – хотя бы ввиду неизбежной ограниченности ресурсов любого реального (индивидуального или коллективного) субъекта познавательной деятельности. Репрезентация объекта предметом всегда в той или иной мере выборочна; при этом характер такой выборочности не может не зависеть от ценностей, существенных для субъекта познания.

Шаг пятый. Так что же получается: неужели мы пришли к подтверждению банальных представлений о неустранимой предвзятости, во всяком случае, ученых-гуманитариев (историков в первую очередь)? На мой взгляд, осуществленная разработка содержания нормативного идеала ученого преодолевает эти представления, по меньшей мере, в следующих аспектах.

1. Системное рефлекслируемое ученым объединение субъективных значений и смыслов (имеющее место при ориентации на идеал достижения правды в очерченной выше трактовке – “правда, большая, чем истина”) принципиально отличается от их обычного эклектического слияния, не рефлекслируемого субъектом познания.

2. Невозможно полностью устранить искажения, обусловленные выборочностью репрезентации объекта человековедческого исследования его предметом (см. выше, шаг четвертый), как и полностью избежать нерелевантного слияния субъективных значений объектов с их смыслами, полностью разрушить “ореолы” вокруг этих объектов. Но точно так же нельзя овладеть абсолютной истиной в отношении объектов исследования, в том числе естественно-научного (или, в наших терминах, полностью постичь их объективные значения). Во всех этих случаях в обозначаемых целях находят выражение нормы-идеалы; эти цели не могут быть достигнуты полностью, но приближение к ним желательно – и вполне возможно, если ученый руководствуется ими как идеалами и строит свою деятельность с ориентацией на них.

3. Посредством диалога субъектов познания, вносящих в него разные субъективные значения одних и тех же исследуемых объектов (в случае исторического познания – разные “картины истории”), может достигаться совершенствование предметов (а благодаря этому – и результатов) познания, все более полная и адекватная репрезентация ими упомянутых объектов.

4. В процессе указанного диалога могут совершенствоваться не только субъективные значения исследуемых объектов, но и их смыслы для участников диалога, а значит, и те идеалы достижения правды, “большей, чем истина”, на которые они ориентируются. Для характеристики такого совершенствования представляется адекватным понятие “*метаидеализации* – идеализации самих идеалов” [7, с. 124].

Попытаюсь проиллюстрировать сказанное на примере одной из острых тем. В зависимости от ценностных приоритетов историков деятельность гетмана Ивана Мазепы рассматривается ими либо в контексте становления Российской империи и развития единой общерусской государственности, либо в контексте борьбы за сохранение и развитие собственной украинской государственности. Поэтому различаются предлагаемые ими интерпретации деятельности Мазепы (в них находят выражение ориентация этих историков на разные варианты правды об указанной деятельности). Но хотелось бы, чтобы оба варианта основывались на как можно более честном, тщательном и полном (насколько это объективно возможно) сборе и анализе источников, касающихся исследуемой темы; иначе говоря, оба историка должны стремиться к обретению *одной и той же истины как общей составляющей разных правд*.

Вместе с тем в перспективе желательно (не только применительно к данному примеру), чтобы в ходе диалогов представителей разных позиций осуществлялось их *медиационное* (связывающее друг с другом) преобразование, сопряженное с “поиском нового смысла за рамками смыслов, сложившихся ранее” [11, с. 38], и с формированием “метаидеала” обретения *интегративной правды*. Такой идеал, нацеливая на возможно более полное выяснение истины, в то же время преодолевал бы односторонность частичных правд, способствуя – в согласии с очерченной В.С. Библером (см. выше) общекультурной функцией исторической науки – осмыслению изучаемых событий в общем контексте развития цивилизации с учетом угроз для нее и возможных путей их преодоления⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для научной деятельности принципиально значимо противоречие между требованием *беспристрастности* научных знаний, вытекающим из определяющего для науки идеала постижения рационально обоснованной *истины*, и неизбежной *пристрастностью* человеческих знаний вообще, обусловленной их пронизанностью аффективно окрашенными смыслами. Пути хотя бы частичного разрешения этого противоречия (характерные для естественно-научной и гуманитарной традиций) предусматривают: а) сосредоточение указанных смыслов не столько на объекте познания, сколько на самой познавательной деятельности; б) обращение при характеристике идеала ученого не только к категории истины, но и к категории *правды*, являющейся, в отличие от истины, не чисто “значениевым”, а “значениево-смысловым” образованием.

При этом идеал ученого не может основываться на т.н. “своей правде”, которую отстаивает та или иная сторона в конфликте и которая отражает действительность выборочно (а то и искаженно),

⁷ Это не просто благое пожелание, оторванное от нынешней исследовательской практики. Украинский историк В. Стáрик в труде, посвященном Буковине начала XX в., сосредоточил внимание на примерах конструктивного взаимодействия этносов этого региона, когда их представители – вопреки острым конфликтам того периода – начинали воспринимать друг друга “не только как соперников, но и как земляков”, как товарищей по общей земле (нем: *Landesgenossen*) [30, с. 16]. Есть основания полагать, что автор труда, конкретизируя предмет своего исследования, руководствовался идеалом достижения правды, смысловые составляющие которой носят гуманистический и диалогический характер.

фактически пренебрегая целостной истиной. Адекватными при определении идеала ученого способны быть более высокие уровни правды: а) правда, сочетающая максимально адекватное и полное отражение свойств исследуемого объекта с их интерпретацией в соответствии с предпочтениями исследователя – мировоззренческими, гражданскими, методологическими и пр.; б) правда, отличающаяся от вышеуказанной тем, что опирается на предпочтения, усовершенствованные благодаря диалогам с другими субъектами познания.

Я стремился руководствоваться в этой статье *рациогуманистической* мировоззренческой и методологической ориентацией [4]. Она нашла, в частности, выражение в следовании принципам *конструктивизма, диалогизма и медиационности* (см. [5]) как атрибутивным для указанной ориентации, а также в попытке органично включить представляющееся сугубо гуманитарным понятие идеала в логически релевантную теоретическую систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Наука, 1982.
2. *Балл Г.А.* Теория учебных задач: психолого-педагогический аспект. М.: Педагогика, 1990.
3. *Балл Г.А.* Нормы деятельности и творческая активность личности // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 25–36.
4. *Балл Г.А.* Психология в рациогуманистической перспективе. Киев: Основа, 2006.
5. *Балл Г.А.* Психологические принципы современного гуманизма // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 3–12.
6. *Библер В.С.* Замыслы. М.: РГГУ, 2002. Кн. 2.
7. *Бранский В.П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.
8. *Братусь Б.С.* Деятельность и вершинные уровни опосредствования // Психол. журн. 1999. Т. 20. № 4. С. 102–105.
9. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
10. *Войтко В.І., Балл Г.О.* Узагальнена інтерпретація поняття моделі // Філософська думка. 1976. № 1. С. 58–64.
11. *Давыдов А.П.* Механизм смыслообразования как предмет философского анализа // Мир психологии. 2001. № 2. С. 35–45.
12. *Донченко О.* Структура психіки як колективне несвідоме // Соціальна психологія. 2008. № 2. С. 3–15.
13. *Ерёмченко А.* История как событийность: В 2 т. Луганск: РИО ЛАВД, 2005. Т. 2.
14. *Зинченко В.П.* Перспектива ближайшего развития развивающего образования // Психологическая наука и образование. 2000. № 2. С. 18–44.
15. *Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М.: Институт психологии РАН, 1993.
16. *Кантор В.К.* Рецензия на кн.: *Ignatow A.* Chronos im Blickfeld von Klio: Versuch einer Erkenntnistheorie der Historie // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 184–186.
17. *Кемеров В.Е.* Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 20–32.
18. *Леонтьев А.А.* Значение и смысл // Мир психологии. 2001. № 2. С. 13–20.
19. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: из научного наследия. М.: Изд-во Московского университета, 1994.
20. *Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В.* Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008.
21. *Лубский А.В.* Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158–168.
22. *Майданский А.Д.* Выготский – Спиноза: диалог сквозь столетия // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 116–127.
23. *Марцинковская Т.Д.* Методологический семинар на тему естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 185–188.
24. *Микешина Л.А.* Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс–Традиция, 2002.
25. *Никифоров А.* Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 113–117.
26. *Петров И.Г.* Время и пространство материального взаимодействия и вневременное, непространственное нематериальное отношение (парадокс, его смысл и значение) // Мир психологии. 2009. № 1. С. 16–25.
27. *Порус В.Н.* С мечтой о нравственном разуме // *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: РОССПЭН, 2004. С. 482–488.
28. *Пружинин Б.И.* Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. С. 108–121.

29. *Рубинштейн М.М.* Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1913.
30. *Старик В.* Від Сараєва до Парижа: Буковинський Interregnum 1914–1921. Чернівці: Прут, 2009. Ч. I.
31. *Степанов С.Ю., Семенов И.Н.* Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.
32. *Улановский А.М.* Синергетическая метафора сознания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2005. № 1. С. 17–29.
33. *Федотова В.Г.* Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук: уч. пособие. М.: “Канон+”; РООИ “Реабилитация”, 2007. С. 285–305.
34. *Фрумкина Р.М.* Социальное познание в контексте лингвистики и психологии // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 145–156.
35. *Швырёв В.С.* Рациональность как ценность культуры: традиции и современность. М.: Прогресс–Традиция, 2003.
36. *Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
37. *Юревич А.В.* Социология психологического знания // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 1. С. 3–14.
38. *Dictionary of Philosophy / Ed. Dagobert D. Runes.* N. Y.: Philosophical Library, 1942.
39. *Five basic postulates of humanistic psychology / Adapted by Tom Greening from J.F.T. Bugental (1964) // Journal of Humanistic Psychology.* 2005. V. 45. No. 2. P. 139.
40. *Laing R.D.* The Divided Self. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1965.
41. *Moscovici S., Marková I.* Presenting social representations: A conversation // Culture & Psychology. 1998. V. 4. No. 3. P. 371–410.

A SCIENTIST’S NORMATIVE PROFESSIONAL IDEAL

G. A. Ball

Corresponding member of National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of methodology and theory of psychology, G.S. Kostiuk Institute of Psychology, NAPS of Ukraine, Kyiv

The notion of normative ideal (norm-ideal) and its significance for professional communities are considered in the article. A conceptual system including the notions of “objective meaning”, “subjective meaning” and “sense” is presented. According to the system the normative professional ideal of a scientist (particularly, in the area of human sciences) is characterized.

Key words: normative ideal (norm-ideal), ideal-creating value, ontological object, epistemological object, objective meaning, subjective meaning, sense, epistemic truth, moral truth.